

Эрнест Ренан

Участие семитических народов в истории цивилизации

Из Собрания сочинений в 12-ти томах. Перевод с французского под редакцией В.Н. Михайловского. Т.6. Киев, 1902. С.105-118.

Жозеф Эрнест Ренан (1823-1892)

французский философ и писатель, историк религии, семитолог

Воспроизводя эту речь, я считаю своим долгом выразить свою признательность благосклонным и просвещенным слушателям, которые помогли мне её произнести. Они поняли, — и это свидетельствует об их тактичности, — что здесь дело идет о свободе. Прерывать работу мысли, при которой вас никто не принуждает присутствовать, мне всегда казалось делом противным свободе. Это значить производить насилие над мнением другого; это значить смешивать две вещи, совершенно различные: вполне реальное право — выражать свое порицание по своему вкусу и совести, и воображаемое право — подавлять своим собственным авторитетом идеи, которые считают достойными порицания. Для кого неясно, что это последнее притязание является источником всякого насилия, всякого гнета? В *College de France*, где преподавание обставлено столькими гарантиями, подобное насилие над словом кажется мне особенно неуместным. Назначение профессоров в этом учреждении производится по представлению профессоров Колледжа, соединенных в одно собрание, и компетентных членов Института. Такой двойной выбор нельзя считать чем-то неоспоримым; но этого вполне достаточно, по крайней мере, для того, чтобы не обвинять человека, которого столь авторитетные лица почли своим избранием, в том, что он нахально взобрался на кафедру.

Я не хотел бы, чтобы форма этой первой лекции ввела публику в обман относительно способа моего преподавания. Начиная с Ватабля и Мерсье и кончая Катрмером, — кафедра, на которую я имею честь быть назначенным и которую я замещаю в настоящее время, отличается техническим и специальным характером. Совершенно не связывая ни своей свободы, ни свободы своих преемников, я думаю, что оказал бы плохую услугу науке, если бы отступил от этой достойной уважения традиции. Во что превратились бы серьезные научные занятия, если бы *College de France* не являлось для них неприкосновенным святилищем? Во что превратилась бы высокая культура человеческого духа, если бы в

учреждении, специальное назначение которого продолжать великие научные труды, изложение общих истин в присутствии многочисленной публики вытеснило бы преподавание в более строгой научной форме? Было бы преступлением с моей стороны, если бы я допустил, чтобы меня в будущем обвинили в том, что я содействовал такой перемене. Прогресс науки страдает, когда мы мыслим поверхностно, когда всякий, слепо придерживающийся во всех вопросах каких-нибудь партийных взглядов, думает, что исполняет долг своей жизни; когда легкомысленные односторонние взгляды, решительные и резкие суждения затемняют смысл проблем, вместо того, чтобы разрешать их. О! пусть представители современной мысли глубже уразумеют её святость! Великие и почтенные образы Рейхлена, Генри Этьена, Казобона, Декарта! встаньте, чтобы рассказать нам, как высоко вы ценили истину, сколько трудностей вы умели преодолеть, чтобы достичь её, сколько страданий вы перенесли для неё. Несколько истин, понятых двадцатью лицами в семнадцатом столетии, перевернули вверх дном представления цивилизованных наций о вселенной; безвестные труды нескольких бедных ученых шестнадцатого века положили основание исторической критике и подготовили полную революцию в представлениях о прошлой жизни человечества. Я глубоко убедился в интеллигентности и серьезности публики и потому уверен, что те, которые меня поддержали накануне, одобрительно отнесутся к тому, что я намерен следовать высказанному взгляду, без сомнения, наиболее плодотворному для науки и развитая человеческого духа.

23-го февраля 1862 года.

Милостивые государи!

Чувство гордости овладевает мною, когда я поднимаюсь на эту кафедру, самую древнюю в *College de France*, прославленную ещё в XVI веке выдающимися людьми и занимаемую в наши дни достойным ученым, господином Катрмером.

Создавая в College de France убежище для свободной науки, король Франциск I сделал основой этого великого учреждения полную независимость критической мысли, бескорыстное искание истины, беспристрастное обсуждение вопросов, руководящееся только правилами хорошего вкуса и искренности. Вот этот именно дух я хочу, господа, внести в свое преподавание. Я вполне сознаю, какие затруднения связаны с кафедрой, которую я имею честь занимать. Изучение истории семитов приводит нас в соприкосновение с самыми важными проблемами человечества: это в одно и то же время и выгодно, и опасно. Свободная мысль не знает границ. Но человечество ещё не достигло той степени ясного понимания окружающего, при которой нет необходимости видеть Бога только в определенном строе вещей, потому именно, что Бог не здесь или там, а всюду. Если бы свобода была правильно понята, то эти два противоположные требования уживались бы мирно рядом одно с другим. Я надеюсь, господа, что, благодаря вам, настоящий курс послужит доказательством возможности этого. Я не намерен вносить в свое преподавание никакого догматизма; я буду постоянно звать к вашему разуму, я буду предлагать вам только то, что считаю наиболее вероятным, предоставляя вам полную свободу суждений. Если так, то чьи нарекания я рискую навлечь на себя? Разве только со стороны тех, которые считают себя единственными обладателями истины; но этих господ следует заставить отказаться от претензий быть учителями всего мира. Современные Галилеи не стали бы на коленях просить прощения за то, что они открыли истину.

При выполнении взятой на себя задачи я, с вашего разрешения, углублюсь в мельчайшие детали, буду по обыкновению придерживаться строжайшей точности. Наука, милостивые государи, достигает своей священной цели — открытия истины — только тогда, когда она строго специальна. Не всем суждено быть химиками, физиками, физиологами, не всем дана возможность замкнуться в лабораториях, предаваться в продолжение многих лет опытам и вычислениям. Однако все пользуются великими философскими результатами химии, физики, физиологии. Изложить эти результаты в общедоступной форме без указания на те предварительные работы, которые послужили к их открытию, — дело полезное, от которого наука не должна отказываться. Но не таково назначение College de France. Здесь должны быть показаны все предварительные научные работы, самые специальные и самые кропотливые. Подробные доказательства, терпеливые анализы, не исключают

щие, правда, и общего развития или не идущих в разрез с предметом отступлений, — такова программа проходимых здесь курсов. Здесь для публики открыта сама лаборатория филологии, чтобы придти на помощь тем, у которых имеются специальные призвания, чтобы все могли составить себе понятие о тех средствах, которые применяются для открытия истины.

Сегодня я изменил бы обычаю и обманул бы ваши ожидания, если бы вдался в технические подробности. Я хотел бы вызвать в вашей памяти образ своего просвещенного собрата, Этьена Катрмера, место которого я имею честь занимать. Но так как этот труд был выполнен здесь с такой тщательностью, которая не позволяет мне снова его затрагивать, то я посвящу свою первую лекцию беседе об общем характере народов, язык и литературу которого мы намерены вместе изучать, о роли, которую он играл в истории, о той лепте, которую он внес в общую сокровищницу цивилизации.

Самым важным результатом, к которому, вот уже столетия, пришли исторические и филологические науки, было открытие в общем развитии человечества как бы двух элементов, сочетание которых в неравной пропорции образует основу всей истории. Начиная с семнадцатого столетия и даже в средние века было уже известно, что евреи, финикийцы, карфагеняне, сирийцы, вавилоняне (по крайней мере, в известную эпоху), арабы, абиссинцы — говорили на языках совершенно родственных. Эйхгорн, в последнем столетии, предложил назвать эти языки *семитическими*, — название, которое, не смотря на свою неточность, может быть оставлено в обращении. В первые годы нашего столетия было сделано важное и глубокое открытие в другом направлении. Благодаря изучению санскритского языка, чем мы обязаны английским ученым в Калькутте, немецкие филологи, по преимуществу Бопп, указали верные принципы, при помощи которых можно доказать, что наречия браманской Индии, различные персидские наречия, армянское, некоторые кавказские, языки греческий и латинский с их производными, языки славянские, германские и кельтские образуют обширную, глубоко отличную от семитической группы, общую группу, которую можно назвать индогерманской или индоевропейской.

Демаркационная линия, проведенная сравнительным языковедением, скоро нашла себе подтверждение в сравнительном изучении литератур, учреждений, нравов, религий. Если при сравнении стать на удачную точку зрения, то в древней литературе индусов, греков, персов, германских народов можно заметить общность в родах произведений, соприкасающуюся с глу-

боким сходством в духовной жизни. Еврейская и арабская литературы имеют также много точек соприкосновения; напротив, они имеют мало общего с литературой вышепоименованных народов. Напрасно стали бы мы искать в литературе семитических народов эпопею или трагедию; также безуспешны будут наши розыски, если мы захотим найти у индоевропейцев что-нибудь аналогичное *kasida* арабов и тому роду красноречия, которым отличаются еврейские пророки и Коран. — То же нужно сказать относительно учреждений. Индоевропейские народы имели на заре истории древнее право, зачатки которого мы находим в *Brahmanas* индусов, в формулах латинян, в обычаях кельтов, славян и германцев; патриархальная жизнь евреев и арабов была целиком подчинена совершенно иным началам. — Наконец, сравнение религий бросило на этот вопрос более яркий свет. Рядом со сравнительной филологией в Германии, вот уже несколько лет, возникла сравнительная мифология, которая доказала, что все индоевропейские народы имели первоначально вместе с общим языком и общую религию, которую они, отделившись от общего ствола, развили в разных направлениях. Сущность этой религии — поклонение силам и явлениям природы; философское развитие её есть своего рода пантеизм. Религиозное развитие семитических народов подчинено совершенно отличным законам. Иудаизм, исла-мизм, христианство носят характер абсолютного догматизма, чем они глубоко отличаются от индоевропейских культов или, лучше сказать, от языческих культов.

Вот две, вполне определившиеся, индивидуальности, которые почти одни заполняют всю историю и которые являются как бы двумя полюсами движения человечества. Я говорю *почти* заполняют всю историю, ибо кроме этих двух великих индивидуальностей есть ещё две-три, которые вырисовываются довольно ясно для науки и деятельность которых в прошлом заслуживает внимания. Оставим в стороне Китай, этот своеобразный мир, и те адские расы, которые играли роль стихийных бичей, созданных для разрушения того, что сделано другими. Египет сыграл немаловажную роль во всемирной истории; но Египет не может быть отнесен ни к семитическим, ни к индоевропейским народностям. Вавилон также не совсем семитического происхождения: он являет собой, как кажется, первый тип цивилизации, аналогичной египетской. В общем можно даже сказать, что до вступления индоевропейских и семитических народов

на историческую арену мир уже имел довольно древние цивилизации, которым наши цивилизации, обязаны если не нравственными элементами, то, по крайней мере, основами промышленности и долгим опытом материальной жизни. Но всё это ещё мало выяснено историей; впрочем, всё это бледнеет в сравнении с такими фактами, как миссия Моисея, изобретение алфавита, завоевания Кира, Александра, завоевание всего мира греческим гением; с такими явлениями, как христианство, господство римлян, исламизм, завоевания германцев, Карл Великий, Возрождение, Реформация, Философия, французская Революция, завоевание всего мира современной Европой. Вот великий поток истории, образованный слиянием двух рек, в сравнении с которыми другие притоки не более, как ручьи. Попытаемся выделить то, что в этом общем потоке принадлежит каждой из названных двух великих рас, которые своей совместной деятельностью, а чаще всего своим антагонизмом, довели мир до того состояния, в котором он находится.

Я считаю нужным сделать предварительное объяснение. Когда я говорю о смешении двух рас, то я имею в виду только смешение идей и, если можно так выразиться, своего рода историческое сотрудничество. Индоевропейские и семитические народы ещё по сию пору резко отличаются друг от друга. Я не говорю о евреях, которые, благодаря своеобразному и удивительному историческому жребию, заняли исключительное место среди человечества и, однако, за исключением Франции, явившей миру образец идеальной цивилизации, где нет места идее национальной розни, евреи почти всюду и по сию пору образуют обособленные общины. Арабы же и вообще мусульмане в настоящее время ещё более далеки от нас, чем когда-либо. Мусульманин (представителями семитического духа в наше время являются по преимуществу приверженцы ислама) и европеец являются как бы существами двух различных видов, не имеющих ничего общего, как по складу своего ума, так и по строю своих чувств. Но движение человечества совершается путем борьбы противоположных друг другу факторов, путем своего рода поляризации, где всякая идея является односторонне выраженной; только в целом сглаживаются противоречия: полный мир является результатом столкновения элементов, по-видимому, враждебных.

Если, исходя из этого основного положения, мы займемся исследованием того, что дали семитические народы тому великому живому

органическому целому, которое мы называем цивилизацией, мы найдем прежде всего, что в политике мы им ничем не обязаны. Политическая жизнь является, быть может, одной из наиболее самобытных, свойственных только индоевропейским народам, черт. Эти народы являются единственными, понявшими возможность существования индивидуальной свободы рядом с государством. Правда, они далеко не всегда, умели соответствующим образом согласовать эти два противоположных элемента; но в то же время вы не найдете среди них тех великих неограниченных деспотий, подавляющих всякую индивидуальность, низводящих человека до состояния ничтожной и безыменной частички громадной машины, как мы это видим в Египте, Вавилоне, Китае, в мусульманских и татарских деспотиях. Возьмите одно за другим маленькие муниципальные республики Греции и Италии, германские феодальные государства, великие централизованные организации, для которых образцом служил Рим и которым французская Революция стремилась подражать; вы всегда найдете в них мощный нравственный элемент, здоровую идею общественного блага, идею жертвы для общей цели. Индивидуальная свобода была мало гарантирована в Спарте, маленькие афинские демократии, точно так же, как демократии средневековой Италии, отличались почти такой же жестокостью, как и самые необузданные тирании. Римская империя (отчасти, впрочем, под влиянием Востока) дошла до невыносимого деспотизма; германский феодализм граничил с обыкновенным разбоем; французский королевский дом в эпоху Людовика XIV своим распутством мог соперничать с сасанидскими или монгольскими династиями; французская Революция, создавшая с необыкновенной энергией принцип единства государства, часто сильно компрометировала свободу. Но в подобных случаях быстро вспыхивала реакция, которая спасала эти народы от последствий их ошибок. Ничего подобного мы не видим на Востоке. Восток, в особенности семитический Восток, никогда не знал середины между полной анархией кочевников-арабов и кровожадным и неограниченным деспотизмом. Эти народы не имели никакого представления об идее общественного блага, общественного дела. Понятие об истинной и полной свободе, в том виде как её реализовали англо-саксонские народы, понятие о великих государственных организациях, каковы, например, римская Империя или Франция, — эти понятия были им одинаково чужды. Древние евреи и арабы бывали по временам самыми свободными людьми; но накануне вполне свободные, они на другой день получали начальника,

который свободно рубил им головы по-своему благоусмотрению. И когда это случалось, не слышно было жалоб на насилие. Давид получил царский престол подобно какому-нибудь энергичному *кондотьеру*; это не мешало ему быть человеком в высшей степени благочестивым, избранником Божиим; Соломон достиг престола и держался на нем таким же способом, как султаны всех времен; это не помешало ему прослыть самым мудрым из царей. Когда пророки ополчались против царей, они это делали не во имя политических прав, а в защиту теократии. Теократия, анархия, деспотизм — вот, господа, основные черты политического устройства семитических народов. К счастью, наше положение не таково. Политическое устройство, по извлечению из Св. Писания, сделанным Боскюетом (и сделанным, по правде говоря, довольно плохо) является одним из отвратительнейших в своем роде. В политике, как и в поэзии, религии и философии, европейские народы умеют уловить разнообразие оттенков, стремятся примирить противоречия, сочетать их; всё это совершенно неизвестно семитическим народам, государственное устройство которых отличалось пагубной для них роковой простотой.

Чем мы обязаны им в искусстве и поэзии? В искусстве ничем. Эти народы имели очень мало общего с искусством; свое искусство мы заимствовали целиком из Греции. Что касается поэзии, то, не будучи их данниками и в этой области, мы, однако, здесь более связаны с ними. Псалмы сделались в некотором род источником нашего поэтического вдохновения. Еврейская поэзия получила у нас место рядом с греческой поэзией, не потому что она нам дала определенные роды поэзии, но потому что она проникнута поэтическим идеалом, потому что она является своего рода Олимпом, где всё так своеобразно окрашено; она вдохновляет своим престижем, своим лучезарным ореолом. Мильтон, Ламартин, Ламеннэ совсем не существовали бы для нас или потеряли бы очень много, без псалмов. Но даже и здесь всё, что касается разнообразия оттенков, тонкости и глубины чувства, — всё это дело наших рук. То, что окрашено поистине поэтическим колоритом, а именно вопрос о назначении человека, печальные превратности его судьбы, беспокойное искание происхождения вещей, его справедливые укоры небу — всё это нам не приходилось заимствовать ни у кого. Вечной школой этого является душа каждого человека.

В науке и философии мы исключительно греки. Искание причин, знание для знания — всё это вещи, о которых до греков не имели ни малейшего представления, которым мы научились только от них. Вавилон имел науку, но она

не заключала истинно научных принципов, абсолютную неизменность законов природы. Египет знал геометрию, но не он создал *Элементы* Эвклида. Что касается духа древних семитов, то он по природе своей враждебен философии и науке. В книге *Иова* искание причин рассматривается почти как нечестивое дело. В *Екклесиасте* знание объявляется суетой. Автор, преждевременно потерявший вкус к жизни, хвастается, что он изучил всё под солнцем и не нашел в этом ничего, кроме скуки. Аристотель, который был почти его современником и который с большим правом мог сказать, что он исчерпал все тайны вселенной, никогда, однако, не жалуется на скуку. Мудрость семитических наций не простирается далее притч и поговорок. Часто говорят о науке и философии арабов; действительно, арабы были нашими учителями в продолжение одного или двух из средних веков; но это было до тех пор, пока мы не познакомились с греческими оригиналами. Эта арабская наука и философия были ничто иное, как жалкий перевод греческой науки и греческой философии. Но лишь только оживает сама Греция, эти художные переводы теряют всякое значение, и не без основания все филологи эпохи Возрождения предприняли против них своего рода крестовый поход. Кроме того, при более точном анализе эта арабская наука, оказывается, не имеет в себе ничего арабского. Её сущность — чисто греческого происхождения; среди её творцов не было ни одного чистокровного семита; это были испанцы и персы, писавшие по-арабски. Значение средневековых евреев в философии сводится к простому комментированию. Еврейская философия этой эпохи есть та же арабская философия без всяких перемен. Одна страница из Роджера Бэкона включает в себе более истинного научного духа, чем вся эта взятая из вторых рук наука, заслуживающая уважения, как звено исторической преемственности, но ничтожная с точки зрения истинной оригинальности.

Если мы будем рассматривать вопрос с точки зрения моральных и социальных идей, то найдем, что семитическая мораль часто очень возвышенна и очень чиста. Кодекс, приписываемый Моисею, включает прекрасные идеи права. Пророки по временам являются замечательно красноречивыми трибунами. Моралисты, Иисус сын Сираха, Гиллель, достигают удивительной высоты. Наконец, не следует забывать, что мораль Евангелия первоначально проповедовалась на одном из семитических языков. С другой стороны, характер семитов вообще отличается

жестокостью, узостью, эгоизмом. Этой расе чужды высокие страсти, способность к полному самопожертвованию; мы встречаем в ней людей удивительного характера; но мы редко встречаем в ней ту тонкость морального чувства, которая по-видимому, является уделом по преимуществу германских и кельтских рас. Нежные и глубокие чувства, чувство беспричинной тоски, эти мечты о бесконечном, где сливаются все силы нашей души, это великое откровение долга, которое одно может дать незыблемую основу нашей вере и нашим надеждам — всё это особенности нашей расы, дело нашего климата. Моральное воспитание человечества не есть исключительная заслуга какой-нибудь одной расы. Дело очень просто: морали, как и поэзии, нельзя научиться; прекрасные афоризмы не делают человека честным; только в возвышенных свойствах своей природы и в непосредственном откровении своего сердца мы находим благо.

Что касается промышленности, изобретений, материальной цивилизации, то в этих областях мы, без сомнения, весьма многим обязаны семитическим народам. Наша раса, милостивые государи, не проявляла вкуса к роскоши, не отличалась торговой предприимчивостью. Эта раса отличалась нравственностью, храбростью, воинственностью; она дорожила свободой и честью, любила природу, была способна на самопожертвование и много вещей предпочитала жизни. Торговля и промышленность в больших размерах стали впервые процветать у семитических народов или, по крайней мере, у народа, говорившего семитическим языком, — у финикийцев. В средние века арабы и евреи были также нашими учителями в торговле. Все предметы европейской роскоши, начиная с древности вплоть до семнадцатого столетия, доставлялись с Востока. Я говорю о роскоши, а не об искусстве; между ними бесконечно громадная разница. Греция, которая в отношении вкуса стояла несравненно выше остального человечества, не была страной роскоши, там с презрением говорили о тщеславном великолепии дворцов персидского царя, и если бы мы имели возможность увидеть дом Перикла, то весьма возможно, что нашли бы его чрезвычайно неудобным для жизни. Я не настаиваю на этом, так как нужно было бы еще исследовать, является ли эта азиатская роскошь, — например, вавилонская, — делом рук семитов; что касается меня, то я сомневаюсь в этом. Но неоспоримым даром, который они нам сделали, — даром первой важ-

ности, благодаря которому следует поместить финикийцев в истории прогресса почти рядом с их братьями, евреями и арабами, — было письмо. Вы знаете, что письменна, которыми мы пользуемся ещё по сию пору, суть те же семитическая письменна, хотя и значительно видоизмененные, которыми эти народы первоначально пользовались для выражения звуков своего языка. Греческий и латинский алфавиты, от которых происходят все наши европейские, суть не что иное, как алфавит финикийский. Фонетизм, эта блестящая идея выразить всякий звук определенным знаком и сводить число звуков к минимуму (двадцать два), есть изобретение семитов. Без них мы бы, быть может, блуждали еще в дебрях иероглифов. Одним словом, можно сказать, что финикийцы, литература которых к несчастью до нас не дошла, создали таким образом самое необходимое условие для точного и ясного выраженья наших мыслей.

Но я спешу перейти, милостивые государи, к капитальной услуге, оказанной семитической расой всему миру, — к услуге, являющейся специально делом её рук и, если можно так выразиться, её установленной провидением миссией. Мы не обязаны семитам ни своей политической жизнью, ни своим искусством, ни поэзией, ни философией, ни наукой. Чем же мы обязаны им? Мы обязаны им религией. Народы всего мира за исключением Индии, Китая, Японии и народов совершенно диких, являются последователями семитических религий. Цивилизованный мир имеет только евреев, христиан и мусульман. В частности индоевропейская раса, если исключить браминов и ничтожные остатки парсов, всецело примкнула к семитическим религиям. Где причина этого странного явления? Каким образом народы, в руках которых находится гегемония над всем миром, отказались от своего символа, чтобы примкнуть к символу побежденных.

Первобытный культ индоевропейской расы был прелестен и глубок, как воображение самих этих народов. Он был как бы эхом природы, своего рода гимном ей, где идея единства выступала только изредка и очень неопределенно. Это была религия детей, полная наивности и поэзии, но которая должна была рухнуть, лишь только мысль сделалась более требовательной. Персия первая произвела у себя реформу (ту, которая связана с именем Зороастры), неизвестно, под влиянием чего и в какую эпоху. Греция, во времена Пизистрата, была уже недовольна своей религией, и взор её обращался к Востоку. В эпоху римлян древний языческий культ никого уже не удовлетворял. Он ничего больше не говорил воображению; он очень мало говорил нравственному чувству. Древние мифы о силах

природы перешли в анекдоты, часто забавные и остроумные, но лишенные всякого религиозного значения. В эту именно эпоху цивилизованный мир стал лицом к лицу с еврейским культом. Основанный на простой и ясной догме о единстве Бога, лишенный натурализма и пантеизма, благодаря следующей, удивительной по своей точности фразе: «В начале Бог создал небо и землю», обладая законом и книгой, хранильницей правил возвышенной морали и религиозной поэзии, — иудаизм имел на своей стороне неоспоримое превосходство, и можно было предвидеть, что в один прекрасный день мир сделается еврейским, т.е. отречется от мифологии для монотеизма. Внезапно возникшее в эту эпоху в лоне самого иудаизма движение решило победу. Наряду с великими и несравнимыми качествами, иудаизм заключал в себе принцип узкого формализма, исключительного фанатизма и презрения ко всему нееврейскому; это был фарисейский дух, сделавшийся впоследствии духом Талмуда. Если бы иудаизм был только фарисейством, ему не предстояло бы никакой будущности. Но эта раса носила в себе религиозные основы совершенно иного характера. Впрочем, подобно всем великим расам, она соединяла в себе противоположности. Она умела противодействовать самой себе и выдвигать в случай нужды в противовес своим недостаткам соответствующие хорошие качества. Среди ужасного брожения, охватившего еврейскую нацию при последних Асмонеях, в Галилее произошло одно из замечательнейших событий, о которых только помнит история. Явился несравнимый человек, столь великий, что я не хотел бы спорить с теми, которые, пораженные исключительным характером его деяний, называют его Богом; не хотел бы спорить, не смотря на то, что все здесь должно быть рассматриваемо с точки зрения позитивной науки. Этот человек произвел реформу иудаизма, реформу столь глубокую, столь своеобразную, что это было поистине новым творением. Достигнув высочайшей степени религиозности, которой когда-либо до него достигал человек, той степени, которая давала ему возможность смотреть на свои отношения к Богу, как на отношения сына к отцу, преданный своему делу с полным самозабвением и самоотрицанием, ставшей, наконец, жертвой своей идеи и обоготворенный после смерти, — Иисус основал вечную религию человечества, религию духа, без священства, без культа, без обрядности, доступную для всех рас, без кастового духа, одним словом, абсолютную религию: „Женщина, поверь мне, что наступает время, когда и не на

горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу..., но в духе и истине»¹.

Так было основано убежище, где человечество в продолжение целых веков должно было черпать свои радости, надежды, утешение, стимулы возвышенной деятельности. Был открыт источник самой высшей добродетели, которую вызвало в сердцах других людей прикосновение божественного сознания. Возвышенная мысль Иисуса, не совсем понятая его учениками, претерпела много изменений. Тем не менее христианство тотчас восприняло её и привило всем другим существовавшим тогда культурам. Эти культы, не претендовавшие на абсолютное значение, не имевшие сильной организации и не заключающие никаких моральных основ, слабо защищались. Некоторые попытки реформировать их в направлении новых нужд человечества, внести в них элемент серьезный и нравственный, как например, попытка Юлиана, окончились полной неудачей. Империя, которая не без основания видела во вновь нарождающейся силе, в Церкви, угрозу своему принципу, первоначально энергично сопротивлялась; но кончила тем, что примкнула к культу, с которым раньше боролась. Все грецизированные и латинизированные народы сделались христианами; немного позже к ним присоединились германские и славянские народы. В среде индоевропейской расы только Персия и Индия, благодаря тесной связи своих религиозных учреждений с государственным строем, сохранили, правда, в сильно измененном виде, религии своих предков. Браманская раса, в особенности, оказала человечеству научную услугу громадной важности, сохранив с трогательной по своей заботливости осторожностью самые древние гимны своего культа, Веды.

Но этой ни с чем несравнимой победой не исчерпывается ещё религиозное значение семитической расы. Христианство, воспринятое греческой и латинской цивилизацией, перешло на Запад. Восток, колыбель христианства, оказался страной, где распространение его встречало наибольшая препятствия. В частности, арабы в седьмом столетии не могли решиться принять христианство. Колеблясь между иудаизмом и христианством, между туземными суевериями и воспоминаниями о древнем патриархальном культе, отталкиваемые мифологическими элементами, которые индоевропейская раса внесла в христианство, они хотели вернуться к религии Авраама; они основали исламизм. Исламизм в свою

очередь имел громадное превосходство над пришедшими в упадок странами Азии. Одним дуновением он сверг парсизм, который до него был настолько силен, что одержал победу над христианством при Сасанидах; парсизм был низведен на степень ничтожной секты. Индия в свою очередь была свидетельницей того, как в её древнем пантеоне победоносно было объявлено единство Бога; но это не заставило её признать его. Исламизм, одним словом, подчинил монотеизму почти все те языческие народы, которые христианство ещё не успело присоединить к себе. В настоящее время он кончает свою миссию покорением Африки, которая теперь почти вся становится мусульманской. Весь мир за незначительным исключением как бы оказался побежденным монотеистической проповедью семитов.

Значит ли это, что индоевропейские народы, присоединившись к семитической догме, отказались совершенно от своей индивидуальности? Конечно, нет. Приняв семитическую религию, мы глубоко изменили её. Христианство, в том виде, как его понимает большинство, есть действительно наше произведение. Первобытное христианство, сущность которого заключалась в апокалипсической вере в грядущее царство Божие, христианство, как его представлял себе св. Иаков или Папиас, сильно отличалось от нашего христианства, отягощенного метафизической греческих отцов и схоластикой средних веков, низведенного современным прогрессом к преподаванию морали и милосердия. Победа христианства была обеспечена только тогда, когда оно вполне освободилось от своей еврейской оболочки, когда оно снова сделалось тем, чем оно было в возвышенном сознании своего основателя — творением, освобожденным от оков семитического духа. Это тем более верно, что евреи и мусульмане питают только отвращение к этой религии, сестре их собственной религии, изукрашенной изящной поэзией, наряженной в восхитительные романтические легенды. Люди с утонченной, чувствительной душой, с богатым воображением, как автор *Imitation*, как мистики средних веков, как святые вообще, исповедовали религию, в действительности созданную семитическим гением, но преобразованную сверху донизу гением современных народов, в особенности народов кельтических и германских. Эта глубокая сентиментальность, эта нежность, которыми была проникнута, например, религия Франциска Ассизского или Фра Анжелико, были, совершенно чужды семитическому духу, крайне сухому и черствому.

¹ ¹ Евангелие от Иоанна, гл. 4, 21.

Что касается будущего, то я вижу в нем все большее и большее торжество индоевропейского гения. Начиная с шестнадцатого века совершается с поразительной энергией следующее грандиозное явление, до того времени не определившееся, а именно: окончательная победа Европы, исполнение древнего семитического сказания:

Пусть Бог успокоить Иафета,
Пусть он обитает в палатках Сима,
И пусть Ханаан (Хам?) будет его рабом².

До того времени семитизм был ещё господином на своей территории. Мусульманский Восток наносил поражения Западу, имел лучшие войска, лучшее государственное устройство, посылал ему богатства, знания, цивилизацию. С этого момента роли меняются: европейский гений начинаешь развиваться с несравнимым величием; исламизм, напротив, начинает постепенно разлагаться, и в ваши дни он с треском рушится. В настоящее время необходимым условием распространения европейской цивилизации является разрушение семитической культуры, уничтожение теократического могущества исламизма, следствием чего будет падение самого исламизма, ибо он может существовать только как официальная религия, сделавшись же религией свободной и индивидуальной, он погибнет. Исламизм не есть только государственная религия, каким был католицизм во Франции при Людовике XIV, каким он является ещё теперь в Испании; исламизм есть религия, исключаящая государство; образцом его в Европе могут служить только папские владения. Вечная борьба будет происходить до тех пор, пока последний сын Измаила не падет мертвым от истощения или от страха не удалится в глубину пустыни. Ислам есть самое полное отрицание Европы; ислам — это символ фанатизма, о каком Испания времен Филиппа II и Италия эпохи Пия V едва ли имели представление; ислам — это отрицание науки, подавление гражданского общества; в нем выразилась вся ужасающая односторонность семитического духа, сковывающая человеческий мозг, делающая его невосприимчивым ко всякой утонченной идее, ко всякому утонченному чувству, к изысканиям в области мысли, давая ему взамен этого одну вечную тавтологию: *«Бог есть Бог»*.

Будущее, милостивые государи, принадлежит, следовательно, Европе и одной только Европе. Она победит весь мир и распростра-

нить в нем свою религию, религию права, свободы, уважения к человеку, распространить веру, что человечество заключает в себе нечто божественное. Во всех отношениях прогресс для индоевропейских народов заключается в том, чтобы удалиться всё более и более от семитического духа. Наша религия будет всё менее и менее еврейской; она постепенно вытеснит все политические элементы из вопросов духа; она сделается религией сердца, внутренней поэзией всякого. В морали мы будем искать те утонченные настроения, которые чужды грубым натурам Старого Союза; мы всё более и более будем приближаться к идеалу христианства. В политике мы примирим две вещи, которые семитические народы постоянно игнорировали: свободу и сильную государственную организацию. В поэзии мы будем искать форму для того стремления к бесконечному, которое в одно и то же время служить предметом наших восторгов и наших мук, но постоянно нас облагораживает. В философии, вместо схоластического стремления к абсолютному, мы будем видеть лишь попытку обосновать полную систему вселенной. Во всем мы будем искать разнообразия оттенков вместо догматизма, относительного вместо абсолютного. Вот в чем, по моему мнению, наше будущее, если будущее принадлежать прогрессу. Придем ли мы когда-нибудь к более определенному взгляду на назначение человека и его отношение к бесконечному? Узнаем ли мы когда-нибудь более точно закон происхождения существ, природе нашего сознания, что такое жизнь и личность? Останется ли мир на пути позитивной философии, не возвращаясь к былому суеверию и сумеет ли он в ней почерпнуть радости, надежды, душевные порывы, элементы для размышления? Наступит ли когда-нибудь такой день, когда придется спросить себя: стоит ли жить? будет ли человек, верующий в долг, находить себе награду в исполнении долга? Вернет ли нам наука, которой мы посвящаем нашу жизнь, то, что мы ей приносим в жертву? Этого я не знаю. Для меня ясно только одно, что, стараясь найти истину при помощи научного метода, мы будем исполнять наш долг. Если истина печальна, мы, по крайней мере, будем себя утешать тем, что нашли её по правилам науки; можно будет сказать, что мы заслужили, чтобы она была более утешительна; мы сами сумеем засвидетельствовать себе, что с собою мы были совершенно искренни.

Говоря по правде, я не могу останавливаться на таких мыслях. История доказывает, что в человеческой природе есть стремление к трансцендентному, которое влечет его к высшей цели. Развитие человечества не может быть объяснено

² Que Dieu dilate Japhet,
Qu'il habite dans les tentes de Sem,
Et que Chanaan (Cham?) soit son esclave.

гипотезой, по которой человек есть существо с определенным назначением, добродетель есть утонченный эгоизм, религия — одна химера. Итак, господа, будем работать. Чтобы ни говорил автор *Екклесиаста* в минуты упадка духа, — наука не есть «самое худшее занятие, которое Бог дал сынам человеческим»: это самое лучшее занятие.

Если всё суета, то тот, кто посвятил свою жизнь науке, не будет обманут более, чем другие. Если истина и благо составляют кое-что, — а мы в этом уверены, — то выше стоит тот, кто их искал и любил.

Мы больше не встретимся, милостивые государи! Начиная со следующей лекции, я намерен углубиться в область еврейской филологии, куда большинство из вас за мной не последует. Но пусть выслушают меня те из вас, которые ещё молоды и которым я могу себе позволить давать

советы. Движение, которое вы в себе ощущаете и которое неоднократно во время этой лекции столь лестным для меня образом вырывалось наружу, похвально само по себе и служить хорошим предзнаменованием; но не давайте ему выродиться в легкомысленное возбуждение. Присутствуйте к солидному труду; верьте, что выше всего стоит культура духа, благородство сердца, независимость суждений. Подготовляйте для нашего отечества поколения, способные ко всему тому, что составляет славу и украшения в жизни. Остерегайтесь необдуманных увлечений и помните, что свободу завоевывают только путем серьезной жизни, уважения к самому себе и другим, преданности общественному делу и тому специальному труду, который всякий из вас взял на себя, являясь в его области только продолжателем или оригинальным работником.